

Первый день военной подготовки выдался нехитрым: вольно, смирно да бесконечная стойка «смирно» под палящим солнцем. Особых навыков тут не требовалось, но торчать часами на одном месте — удовольствие сомнительное. Уже к обеду несколько человек не выдержали зноя. Едва успев пошатнуться, бедолаги под белы ручки одноклассников отправлялись в тень судейской беседки отпаиваться пахучей эссенцией «Хосян чжэнци».

Их класс разбили на два взвода. Чжао Жуншуан попал в первый, а Чжоу Цзэвэнь — во второй. Площадки для занятий находились далеко друг от друга, так что Жуншуан не мог толком разглядеть, как дела у соседа. Приходилось то и дело коситься в сторону второго взвода. Расстояние приличное, но знакомый силуэт угадывался безошибочно. К счастью, Цзэвэнь, хоть и выглядел нежным тепличным цветком, на поверку оказался парнем крепким и признаков теплового удара не подавал. Жуншуан только-только облегченно вздохнул, как его тут же застукал вредный инструктор.

— Чжао Жуншуан, верно?

— Я!

— Выйти из строя!

— А?

— Что еще за «а»? Из строя! Пять кругов по стадиону бегом марш!

Стоило Жуншуану сорваться с места, как Ло Шуцзин прыснул, не скрывая злорадства.

— Тот, кто смеется, — выйти из строя!

Шуцзин вытаращил глаза:

— Я?!

— Побежишь с ним за компанию! Тоже пять кругов!

Горе пришло откуда не ждали...

— Ого, молодой господин Ло! Какими судьбами? Решил составить мне компанию? — теперь настала очередь Жуншуана зубоскалить.

Сам виноват, сам наказан, но природный оптимизм не позволял унывать. Вместо того чтобы покорно мотать круги, он так и сыпал колкостями.

Шуцзин удостоил его лишь свирепым взглядом и прибавил ходу. Жуншуан, не желая отставать, припустил следом.

Пятый круг уже подходил к концу, когда они нос к носу столкнулись с двумя девчонками из своего взвода. Одна — Линь Аньци, а вторую как... А, точно, Ван Ии.

Вспомнив имена одноклассниц, Жуншуан почувствовал, как в нем просыпается непреодолимый зуд любопытства. Сбавив темп, он пристроился рядом, горя желанием выяснить причину их наказания.

— Еще спрашиваешь! Из-за тебя всё! — вскипела Ван Ии. Характер у нее был пороховой, наказание настроения не прибавляло, а тут еще этот недотепа лезет с расспросами.

— Из-за меня?

Движимый жаждой докопаться до истины, Жуншуан заложил шестой круг, продолжая бежать бок о бок с девчонками.

— Ну да! Тебя наказали, Ло Шуцзин давай ржать, его тоже погнали. Мы с Ии не выдержали и прыснули. Тогда этот ненормальный инструктор заставил нас встать друг напротив друга и смеяться, пока не надоест... Только это оказалось та-а-ак глупо и смешно, что мы вообще остановиться не могли!

Линь Аньци попыталась прояснить ситуацию, но на полуслове обе снова покатались со смеху.

Девичья логика — вещь непостижимая.

Вечером, после бесконечной дневной стойки, пришло время вокальных баталий. Строевые песни — вещь серьезная, их исполняли перед каждым приемом пищи, так что репетировать приходилось на совесть. Сначала взводы честно соперничали, пытались переорать друг друга, но вскоре сдались и всей гурьбой, взявшись за руки, завели старую, но жутко приставучую песню «Расцветают цветы персика». Повеселились от души.

Когда голоса окончательно сели, классный руководитель, Лао Ван, разрешил немного передохнуть. Четыре десятка новоиспеченных старшеклассников повалились на траву, разглядывая усыпавшие небо звезды. Ночной покой растрогал учителя, и он негромко заговорил — вспоминал молодость, прошлые выпуски. Дойдя в мемуарах до выпускного класса, он тяжело вздохнул:

— Ребята, вы думаете, сейчас тяжело? В одиннадцатом классе будет в сто раз хуже. Это жестокое испытание — и для ума, и для тела. Но пройти его нужно каждому. И поверьте, это

не пустые слова: одолеете выпускной год — и любые жизненные невзгоды покажутся вам детской забавой.

— Ага, заливает! Просто хочет, чтобы мы не сбежали после десятого в университетские спецгруппы для одаренных! — шептались ребята.

Кое-кто из учеников знал подноготную учителя Вана. Его собственный сын умудрился поступить в вуз досрочно прямо из десятого класса, да еще и с лучшим результатом по всему городу. Будь одиннадцатый класс столь незаменим, стал бы он отпускать собственного ребенка раньше срока?

Жуншуан, прислушиваясь к чужому шепоту, повернулся к лежащему рядом Цзэвэню:

— Цзэвэнь, а ты? Уйдешь после десятого?

Он не сомневался: с умом Цзэвэня досрочное поступление — лишь вопрос желания. Захочет — и дверь любого вуза распахнется перед ним.

— Мне шестнадцать, — тихо ответил Цзэвэнь.

Фраза показалась Жуншуану настолько неуместной, что он завис на добрую минуту, прежде чем пробормотать:

— Да знаю я... Понял уже, что тебе не нравится, когда я зову тебя малышом.

Цзэвэнь мысленно закатил глаза.

«Да при чем тут это?!»

— Я о том, что по возрасту не прохожу. Не возьмут.

Тут до Жуншуана дошло. В спецгруппы принимали ребят как минимум на год младше стандартного возраста. А они пошли в старшую школу в положенные шестнадцать лет — обычный, нормальный возраст.

— Ха-ха, точно! Совсем из головы вылетело. Мы привязаны к школьной скамье!

Казалось бы, радоваться нечему — впереди ждал изнурительный выпускной класс, но на душе у Жуншуана вдруг стало удивительно легко. Учеба еще толком не началась, а он уже успел всей душой полюбить Первую школу: и этих ворчливых учителей, и неугомонных одноклассников.

Лао Ван продолжал неторопливо вещать. Под суровой личиной строгого преподавателя скрывалась удивительно тонкая натура. Настоящая учеба еще не началась, но под его ностальгический шепот казалось, будто они уже стоят на пороге выпускного бала.

— Запомните, ребята, — напутствовал учитель. — Учеба в старшей школе держится на трех китах: оценки, душа и... история.

Последнее слово подхватил и унес прохладный ночной ветер, превратив его в тихий вздох.

Вечерняя прохлада приятно остужала разгоряченную кожу. В воздухе плыл густой аромат примятой травы и влажной земли. Из темноты, откуда-то очень издалека, доносился ленивый стрекот цикад и хоровое кваканье лягушек.

— Знаешь, Цзэвэнь... Я и подумать не мог, что можно жить вот так.

— Да, я тоже.

Жить вот так — это значит весь день выкладываться ради общей цели, а вечером безмятежно растянуться на траве. Смотреть на темное небо, усыпанное яркими искрами звезд, зная, что рядом лежит тот, кто тебе дорог.

Раньше они об этом не задумывались. Но теперь, прочувствовав этот момент, они будут возвращаться к нему памятью снова и снова. Вспоминать, кто был рядом в ту теплую ночь, под чье неторопливое бормотание они засыпали наяву. Такие мгновения незаметно меняют судьбы.

И остаются в сердце на всю жизнь.

Перед отбоем намечался обход во главе с инструкторами. Чжао Жуншуан весь вечер пытался поменяться с кем-нибудь местами, но тщетно. Только-только настроившись на лад единения с природой и преисполнившись вселенской любви, он с ужасом обнаружил, что ему предстоит делить ложе с Ло Шуцзином. Вся романтика мигом улетучилась, уступив место отборным ругательствам.

— Какого черта ты забыл на моей кровати?! — взвился Жуншуан. — Эй, как тебя там... Юй Хуэй! Где твои манатки?

Юй Хуэй испуганно пискнул из своего угла:

— Брат Жун, я тут ни при чем, честно...

Ло Шуцзин окинул комнату тяжелым взглядом. Одноклассники синхронно вздрогнули и дружно притворились спящими, натянув одеяла до самых ушей.

— Вот видишь, без вариантов, — хмыкнул Шуцзин. — Они меня до смерти боятся. Придется тебе, бедняге, потесниться.

— Да пошел ты! Катись колбаской! Мне от одного твоего вида тошно. Ложись с кем хочешь, только ко мне не суйся!

Шуцзин так и застыл. Никто еще в жизни не посылал его столь открыто и беззастенчиво.

Помявшись у кровати, он буркнул:

— Вообще-то я староста комнаты, так что командовать мне!

— Отвали!

В этот момент в казарме разом вырубили свет.

— Подвинься, — прошептал в темноте Шуцзин. — Пустишь — расскажу кое-что интересное про Чжоу Цзэвэня.

Шуцзин уже терял терпение. Будь его воля, он бы вообще спал один — делиться пространством он терпеть не мог. Но почему-то из всех парней он выбрал именно Жуншуана. Может, потому что тот был симпатичнее остальных? Вполне вероятно, учитывая, как Шуцзин падок на красивых людей.

— Сдались мне твои секреты, — огрызнулся Жуншуан. — Сам у него спрошу, если надо будет. Без твоих соплей обойдусь.

— Спросишь? Про его среднюю школу? Про начальную? Или про детский сад? Да он в жизни тебе рта не откроет. Я этого скрытного типа сто лет знаю. Если он тебе хоть слово расскажет — буду носить твою фамилию!

— Да ну? И что дальше? Расскажешь, как его из роддома забирали?

— Могу и про роддом, если хочешь.

Пользуясь минутной заминкой, Шуцзин бесцеремонно вскарабкался на постель. Кровати здесь были не армейскими двухъярусными узкими нарами, а широкими деревянными настилами. При желании на таком ложе можно было разлечься вдвоем и даже не задеть друг друга

локтями.

Шуцзин вытянулся поверх простыни. Жуншуан промолчал, не подавая виду.

Прошло несколько минут в тишине.

— Ну, — подал голос Жуншуан. — Выкладывай.

— Ой, да поздно уже, — затянул Шуцзин, упиваясь своей маленькой победой. — Завтра расскажу.

Надо признать, если закрыть глаза на изнурительную муштру, быт во время сборов был организован отменно. Чего стоили только сочные арбузы в девять утра и ледяной отвар из бобов мунг в четыре часа дня! Все-таки их класс считался гордостью и надеждой школы, так что педагогическое руководство сдувало с одаренных деток пылинки, опасаясь перегрузить хрупкие умы.

На следующий день ровно в девять утра Жуншуан лакомился сразу двумя вещами: сладкой арбузной мякотью, только что доставленной с бахчи, и... порцией свежих сплетен о своем соседе по парте.

— Ой, да Цзэвэнь с малых лет был занудой, — разглагольствовал Шуцзин, уплетая свой кусок. — Молчун несчастный, только в книжки и пялился. А еще обожал совать нос в чужие дела! Подумаешь, староста класса! У меня отец — начальник полицейского управления, и то со мной совладать не мог!

Шуцзина быстро понесло не в ту степь, и он принялся взахлеб расписывать собственные детские подвиги.

— Идиот, — лаконично резюмировал Жуншуан.

Швырнув корку, он поднялся и зашагал к Цзэвэню, оставив собеседника в одиночестве переваривать обиду посреди арбузного аромата.

— Цзэвэнь, Цзэвэнь! Ну почему ты ко мне не подошел? — Жуншуан с ходу разыграл оскорбленную невинность.

— Видел, что ты занят разговором с Ло Шуцзином, вот и не стал мешать, — спокойно ответил Цзэвэнь. — Вы что, помирились?

— Да бог с тобой! С этим павлином? Я скорее от тоски помру, чем с ним дружбу водить стану. Ты что... ревнуешь?

— Глупости какие!

Цзэвэнь аккуратно откусил арбуз. На его бледных губах осталась капля алого сока, удивительно яркая на фоне фарфорово-белой кожи. Жуншуан невольно залюбовался.

— Слушай, Цзэвэнь, а каким ты был раньше?

— Раньше?

— Ну да. Мелким совсем. В детстве.

Цзэвэнь на мгновение нахмурился, словно вспоминая что-то неприятное, но тут же мягко улыбнулся:

— Да самым обычным. Толстым был, вот и всё. Ничего примечательного.

Жуншуан скептически оглядел хрупкую, почти прозрачную фигуру стоящего перед ним юноши. Представить его упитанным карапузом не получалось при всем желании. Впрочем, припомнив намеки младшей сестры Цзэвэня, Сяо Пи, он признал: дыма без огня не бывает.

Жуншуан ждал подробностей, но его собеседник явно не собирался откровенничать. Пришлось перевести все в шутку:

— Ну, тогда тебе стоит поделиться секретом успеха с нашими девчонками. Они ради похудения готовы душу дьяволу продать.

— Не стоит, — негромко усмехнулся Цзэвэнь, возвращаясь к своему арбузу. — Мой метод слишком вреден для здоровья.

Мимо как раз проходила Линь Аньци. Жуншуан, не упустив шанса, крикнул ей вслед:

— Аньци, слышала? Ради стройной фигуры можно и здоровьем слегка пожертвовать, верно я говорю?

Аньци отреагировала мгновенно: взвизгнула и бросилась на обидчика с кулаками. Под сенью вековых деревьев разыгралась классическая комедия погони.

«Сам напросился», — подумал Цзэвэнь, качая головой. Он тепло и искренне улыбался.

Мелькнула мимолетная мысль: встретиться они на пару лет раньше, возможно, всё сложилось бы совсем иначе.

Впрочем, веселье весельем, а труба звала обратно в строй.

Если в первый день они отделались легким испугом, то на второй познали все прелести армейского быта. Подъем объявили в пять утра. Наскоро сполоснув лицо холодной водой, взводы уже нарезали круги по плацу под бдительным присмотром сержантов. Завтрак давали только после пробежки, да и то — перед входом в столовую требовалось во всю глотку грянуть строевую песню. Но самым изощренным издевательством стала стойка на ступенях. По правилам, на бетонный край разрешалось опираться лишь носком, оставляя остальную часть стопы висеть в воздухе. Напряжение адское, обычная стойка «смирно» по сравнению с этим казалась курортом.

Очень скоро строй дрогнул. Избалованные домашним уютом подростки сыпались один за другим. Кураторы вздорили с инструкторами, пытаясь защитить подопечных, а суровые вояки лишь крутили пальцем у виска — таких неженков им тренировать еще не приходилось.

Жуншуан держался молодцом. Немалую роль в этом играло его давнее умение виртуозно филонить при любом удобном случае. Косясь на соседний взвод, он видел, что Цзэвэнь держится из последних сил.

«Моя прелесть просто супер!» — мысленно восхитился он и тут же попытался незаметно разгрузить затекшие мышцы.

— Чжао Жуншуан! Чем занят?

— А! Инструктор... Я это... равновесие потерял. Нога сама соскользнула...

Он торопливо вернул стопу на место, но оправдания не помогли.

— Пять кругов. Сам пойдешь или подсказать направление?

Этот тип в камуфляже сам нарушал все мыслимые уставы, но стоило кому-то оступиться — мгновенно превращался в поборника строгой дисциплины. Жуншуану оставалось лишь безропотно подчиниться. У кромки поля стоял Лао Ван, а портить образ примерного ученика в глазах классного руководителя никак нельзя.

На третий день взводы перешли к строевому и печатному шагу. Именно тогда Цзэвэнь окончательно подкосило солнце.

Всё прошло по накатанной схеме: его увели в тень, влили порцию горького эликсира и уложили на лавку.

К моменту его возвращения класс вовсю осваивал печатный шаг. Цзэвэнь пропустил самую важную часть объяснений. Этот элемент строевой подготовки давался ребятам тяжелее всего, и Жуншуан не на шутку разволновался, сможет ли его друг влиться в общий ритм.

Впрочем, о собственной шкуре тоже стоило подумать.

— Чжао Жуншуан! На середину! — ухмыляясь своей фирменной ехидной улыбкой, инструктор спрыгнул с бетонного бордюра. — Покажи-ка класс, продемонстрируй образцовый шаг!

Ну, тут Жуншуан был чист: на общих занятиях он никогда не отлынивал. Показать так показать!

— Надо же, не сбился, — хмыкнул инструктор. — А теперь — Чжоу Цзэвэнь! Выходи, покажи, на что способен.

— Есть!

Цзэвэнь шагнул вперед. Лицо его после теплового удара оставалось мертвенно-бледным.

«У этого солдафона глаза на затылке выросли? Не видит, что парню плохо?» — закипел Жуншуан.

Цзэвэнь начал движение. Жуншуан мысленно отбивал ему такт, но координация явно подводила его. Он двигался тяжело, скованно и дважды умудрился пойти иноходью, перепутав руку и ногу.

— Плохо, Чжоу Цзэвэнь! К тренировкам нужно относиться серьезно. В строй!

Для примерного отличника такое замечание наверняка прозвучало как пощечина. Жуншуан буквально физически ощутил, как уязвлено самолюбие друга.

Поговорить удалось только после обеда. В столовой Цзэвэнь так и не появился, но Жуншуан перехватил его у входа в жилой корпус.

— Цзэвэнь! Ты чего тут устроил?

Тот продолжал мерно вышагивать по дорожке, шепотом отсчитывая ритм: «И-раз, и-два». Увидев Жуншуана, он лишь на секунду улыбнулся, не прерывая своего занятия.

Жуншуан всё понял: этот маленький упрямец молча объявил войну собственной слабости.

Недолго думая, он пристроился рядом прямо под палящие лучи и принялся громко командовать:

— А ну-ка, равнение на меня!

— Жарко же, иди в корпус! — выдохнул Цзэвэнь.

— Ну уж нет! Забыл, кого сам инструктор перед всем строем хвалил? Я твой персональный наставник, так что пользуйся моментом, пока я добрый.

Цзэвэнь покачал головой:

— Хвастун.

— А то! Ладно, спину прямее! Начали! С левой ноги, пошел! И-раз, и-два! Четче шаг!

Они тренировались минут десять, пока Жуншуан не решил, что на сегодня хватит. Он уже открыл было рот, чтобы скомандовать «вольно», как вдруг тишину двора нарушил отчетливый, сочный треск ткани.

Шов на форменных брюках Цзэвэня разошелся в самый неподходящий момент.

«Твою ж дивизию... Ну и дешёвка!»

Цзэвэнь замер, мысленно предавая анафеме фабрику-изготовителя. Он даже не сразу осознал, что впервые за долгие годы крепко выругался — пусть пока и только про себя.

<http://bllate.org/book/20592/2131650>